

Борис Житков родился 30 августа (11 сентября) 1882 г. в Новгороде. Русский и советский писатель, прозаик, педагог, путешественник и исследователь. Автор популярных приключенческих рассказов и повестей, произведений о животных.

Отец Бориса Житкова был очень хорошим учителем математики, а мать – отличной пианисткой. Борису было шесть лет, когда семья переехала в деревню к бабушке. Вскоре семья перебралась в Одессу. Новый, сверкающий мир открылся перед Борисом Житковым: море, порт, пароходы, белоснежные парусники. Они жили прямо в гавани, и мимо их окон проходили корабли. Житкову не было и десяти лет, а он уже великолепно плавал, нырял, один уходил на лодке далеко в море, вызывая зависть соседских мальчишек. Никто из одноклассников не мог лучше и быстрее его вязать морские узлы, грести, предсказывать погоду, распознавать насекомых и птиц. Борис Житков получил начальное домашнее образование, затем окончил гимназию. Во время учебы подружился с К. И. Чуковским.

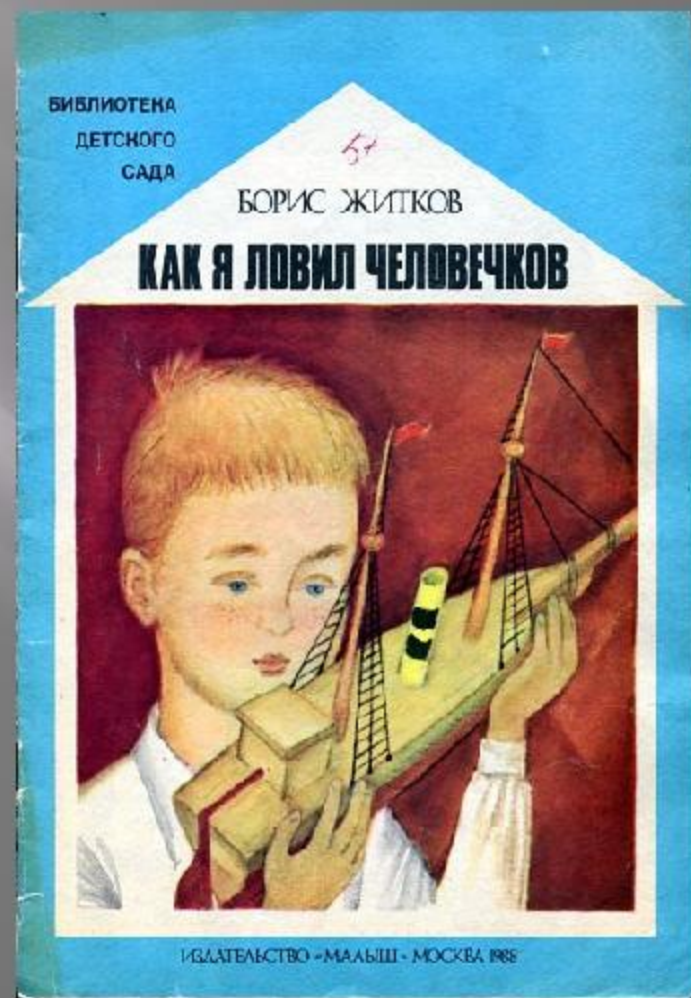
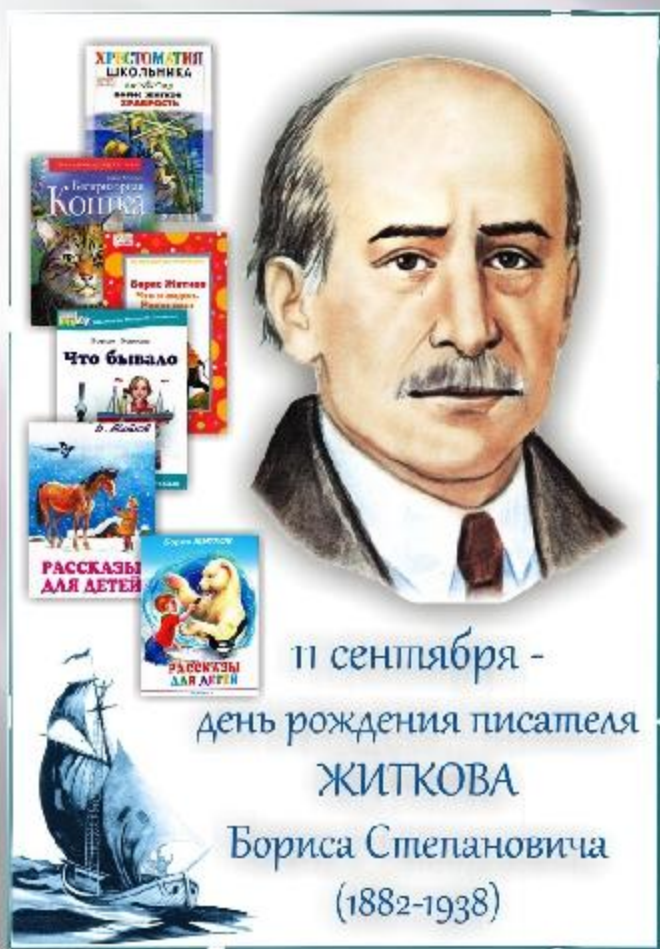
Shared

Вскоре в журналах появились веселые истории Житкова для детей: «Про слона», «Про обезьяну», «Мангуста», «Компас», «Гривенник» и др. Борис Степанович писал о настоящей храбрости, о товариществе, о массе интереснейших на свете вещей. И дети сразу полюбили его книги.

Борис Степанович Житков

"Как я ловил человечков"

Б Ж И Т К О В

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

РАССКАЗЫ

ДЕТГИЗ 1963

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня от-
везли жить к бабушке. У бабушки над
столом была полка. А на полке па-
роходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем
настоящий, только маленький. У него была труба жёл-
тая, и на ней два чёрные пояса. И две мачты. А от мачт
шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла бу-
дочка, как домик. Полированная, с окошечками и двер-
кой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо.
Снизу под кормой руль. И блестел перед рулём винт,
как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие за-
мечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть с паро-
ходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг на-
хмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать
не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что если и заплакать — не поможет.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня от-
везли жить к бабушке. У бабушки над
столом была полка. А на полке па-
роходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем
настоящий, только маленький. У него была труба жёл-
тая, и на ней два чёрные пояса. И две мачты. А от мачт
шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла бу-
дочка, как домик. Полированная, с окошечками и двер-
кой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо.
Снизу под кормой руль. И блестел перед рулём винт,
как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие за-
мечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть с паро-
ходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг на-
хмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать
не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что если и заплакать — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное, расчестное, бабушка!— и схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум—как мыши: юрк в каюту. Вниз—и притаются. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они, хитрые человечки, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не

видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают. — Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка заворчала, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. А из дырочки глядел, не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание

спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в их дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорее конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорее проталкивать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время чело-

вечки утянут леденец, и я их не поймаю. Я дорóгой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик. Леденец, как был,—на месте. Ну да! Дураки они днём братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домишке из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул—леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел—топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось— всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходнику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязанные и натёр себе и лоб и щёки — всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: „Я сейчас вернусь, живым духом“.

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели, как был, в рубаше. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху

рукой. Ничего. Совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало.

Я кой-как приткнул палубу на место и поставил парходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой. Слышу ключ в дверях.

— Бабушка!— под одеялом шептал я.— Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала парходика.

